

В ПОИСКАХ КОНКРЕТНОСТИ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Герман Москвин

От философствования ожидают конкретности, но вместе с тем, оно не может быть поиском решения единичных проблем, даже очень животрепещущих и болезненных. В сфере чистого мышления не может довлеть злоба дня. Миру не нужна тысяча первое его описание, а наука может и должна сама себе определять свои принципы, избегая назойливых советчиков.

***

Самоутверждение в истине и через истину требуется от философствования и если такое самоутверждение происходит в развертывании мышления, то философия *конкретна*. Но, более того, такое самоутверждение, отлившееся в устойчивую форму, выражающуюся во всем многообразии поведения, является *культурой*. Следовательно, поиск способа утвердить *себя* в мышлении и поведении есть возрождение и вообще творение культуры. Обращение к преданию и традиции еще не есть возвращение культуры.

Велика духовная мощь исторической философии, но это - еще не наша духовная мощь. Обращаясь к исторической философии, мы встречаемся только с текстом, который, в свою очередь, связан с другим текстом и так до недостижимого никаким героическим усилием последнего текста, о котором мы уже ничего не успеем сказать. Бесконечность текстов затягивает, превращая философствование в игру в классики, вернее, игру с классикой.

Classis означает порядок. Классическим называют сотворенный феномен, если он силой только своего явления встречающемуся с ним размышлению порождает новый порядок, с которым принуждена считаться субъективность. Флот божественных образов подчиняет себе произвол “голой субъективности”. Но таковое столкновение может означать поражение.

Подчинение чужому порядку - всегда поражение того, на чью субъективность были наложены оковы, даже если это оковы полезной дисциплины. Открытие классического мышления - всегда возвышающее душу, но, все-таки, сопереживание, углубление в чужую жизнь, следовательно, нарушение единства самосознания, от которого не спасает бесконечное бегство в детали и даже глубокое освоение историческо-философского материала.

***

С другой стороны, что-то мешает нам поступить так, как будто никакого философствования до нас не было, и начать с непосредственно данного, строя на его твердой основе свое мышление. Такого непосредственного начала нет в нашем духе и все его богатство (или вся его бедность) ощущается либо как нечто *вторичное*, либо как необоснованное и поэтому не позволяющее притязать на что-либо.

Вторичные образования могут быть отвергнуты критикой. Но то, что не имеет основания, должно его искать. Этот поиск может закончиться только обнаружением того, что необходимо в силу своей *непосредственной явленности* как простого, не могущего быть расчлененным на составляющие. Обретение такой непосредственной простоты и есть самоутверждение.

Но, с другой, субъективной, стороны, самоутверждение означает способность к **сосредоточенности**, т.е. различению “своего” от “чужого” и из субъективности воспроизводимой возможности отталкивания всякого не-Я. Сосредоточенность также есть ядро процесса жизни, требующей отказа от постоянных колебаний в преддверии жизни. Но это - не просто воля, бессмысленное устремление к случайно выбранной цели.

Сущностный выбор, укореняющий человека в историческом, может быть сделан лишь в средоточении духовного мира. Слишком многое должно быть пережито и принято в расчет, чтобы выбор стал действительным. Речь здесь не идет о попытке все учесть - такое требование можно выставить к бесконечному разуму, который именно в силу своей бесконечности не нуждается ни в чем. Речь идет о постоянном удержании углубленности в собственную природу разума. Но таковая природа не есть нечто данное, что только нужно удержать в сфере своего внимания. В этом случае никакой проблемы бы не существовало. **Сосредоточенность есть постоянное открывание скрытой природы разумного и удержание этой природы в ее открытости в действовании.** Этот подход архаичен.

***

Я сознательно хочу быть архаичным и наивным. Это позволяет, возможно, только по видимости, попытаться избежать сопереживания в пользу реального переживания духа, каковое только и делает философию конкретной, а философствование живым. “**Живое**” всегда причина самого себя, субстанция. Но жизнь можно определить также, как единство сознательного и бессознательного, причем бессознательное - основа и сила,двигающая различения, производимые сознанием.

Живое мышление субъективно, т.е. не отчуждено. Отсутствие отчуждения не означает “воли”, т.е. свободы от усилия, преодолевающего то или иное содержание. Такое преодоление может быть осмысленным или лишенным смысла.

“**Смысл**” полагается не содержанием, вовлеченным в мышление, а чем-то другим. Мы считаем, что действуем со смыслом, когда нам дана необходимость подчинения дисциплине, налагаемой на субъективность. Эта необходимость должна быть именно дана, т.е. должна присутствовать в каждой точке мышления не в силу субъективного усилия, а непосредственно. Жертвы, которых требует дисциплина, должны быть оправданы. Это оправдание не возникает в развертывании причинно-следственных связей (хотя по видимости может выражаться через причинно-следственное обоснование).

То, что присутствует непосредственно, не может быть ухвачено через логическую разработку, поскольку последняя основана на противоположном непосредственному поиске оснований в форме причины. Внутренняя необходимость переживается непосредственно и может быть схвачена посредством **метафоры и символа**.

Нельзя рассматривать метафору только как форму деятельности языка. Язык лишь выражает факт, что нечто, данное в существовании как одно, пережито, как другое.

***

Философствование, как и всякое познание, порождено **удивлением**. Но в меньшей степени философствование порождено **скукой и тоской**, к которой приводит скука. Скука - противоположность жизни – это, прежде всего, отсутствие событий. Со-бытие -

совместное бытие, бытие с другим (событие несводимо к диалогу, который может быть лишь внешним выражением совместности). Но событие еще и явление новизны и только оно придает жизни полноту.

Новое не есть нечто неизвестное. И неизвестное может быть старо, как мир. Когда М.Вебер говорит о “расколдованности” мира, он имеет в виду именно принципиальную неновизну неизвестного. Последнее может быть всегда объяснено через уже известное, выведено из него по регулярным правилам или на основе неизменных принципов.

Это экстенсивный переход, т.е. по своему принципу - суета. Вульгарным вариантом исчезновения новизны из существования выступает замыкание в готовом объяснении. Здесь нет даже формально нового, поскольку что бы ни угодило под взор недремлющего ока, оно оказывается неразличимым от другого, уже рассмотренного.

Во всем узнается что-то знакомое, однажды уже объясненное и припиленное подобно бабочке в коллекции.

Здесь невозможно даже занять себя объяснением необъясненного, поскольку во вновь увиденном усматривают только знакомое и ничего сверх того, потому что оно не подлежит объяснению, скорее на него можно только махнуть рукой и вновь погрузиться в скуку.

***

Жизнь реализуется в превращении. В противоположность суете превращение - прежде всего рост. Новое возвращает нас к детству, т.е. к наивному доверию являющемуся и к игре как к способу бытия-в-мире. Новое - действительно лишь хорошо известное старое. Оно хорошо известно, поскольку никто не был лишен детства. Именно поэтому всякое знание есть припоминание, т.е. вновь-переживание простоты и свободы игры, вновь-переживание открытого доверия всему явленному.

Такому состоянию противостоит серьезность, т.е. ясная постановка целей и их последовательное достижение. Но **серьезность** - прежде всего специфическое отношение к самой жизни, уважение к ней и устремленность к ее полноте. Это означает удержание моментов превращения и их культивирование. **Культивирование** можно определить как охрану, сознательное возвращение-припоминание и расширение через вовлечение контекста, бывшего фоном превращения.

***

“Культура” противостоит природе, как возделывание противостоит кажущейся **косности земли**. Но конечный смысл всякого возделывания - всходы порожденного самой землей. Культура как действие лишь раскрывает то, что до нее и помимо нее уже содержится в природе, лишь дает возможности стать действительностью в направлении ее развертывания в максимальную полноту.

Действительность выступает как неразличимость от становления, от живой подвижности, которая всегда непосредственна. Становление-подвижность лишь *post testum* можно схватить через какие-то определения. Ее реальность в ней самой и никогда - помимо нее.

“Земля” - прежде всего всеобщая материя. Материальность любого материала - в его податливости формированию и способности удержаться в оформленном состоянии. Но земля еще и мать всякого богатства - пассивное начало, требующее оплодотворения трудом. Но она еще и “древняя богиня”, дарующая плоды своим детям. *Земное бытие* проходит три стадии в своем существовании. *Золотой век* - век дарующей благо богини. *Серебряный век* - век побужденной к рождениям все- общей матери. Наконец, *век железа* - эпоха формируемой в ее стихийности материи.

В последнюю эпоху земля удерживается как **“стихия”**. А бытие осмысливается натурфилософски. Натурфилософия подразумевает включение субъекта в круговорот вещей через систему образов, выражающих неизменность поведения всех вещей (в т.ч. и субъективных образований), во всякий момент времени и в любой точке пространства.

***

Неизменность поведения, узнаваемая в любой его причудливой прорисовке, означает как характер, т.е. как специфическое индивидуализирующее начало, истинная подоснова всякой индивидуальной жизни.

- Так *вода* - всеобщая текучесть, склонность к переменам и способность принимать любую форму и вместе с тем - напор потока, смывающего все на своем пути, также - способность снимать всякую определенность (“размытые формы”) и разрушать устойчивое посредством проникновения (как капля, точащая камень).
- *Земля*, наоборот, - осязаемое начало, в котором вязнет все, которое создает осязаемое сопротивление, делающее все происходящее реальным.
- *Огонь* - все пожирающая активность, неумная жадность к новому и новому материалу.
- С другой стороны *воздух* - прозрачность среды, позволяющая реализоваться форме как видимой.

Огонь и вода, земля и воздух - пары, возникающие по принципу мужское и женское. Первая пара противопоставляется второй по принципу изменчивость-устойчивость (подвижность-косность).

Субъективность укореняется в стихиях, поскольку последние не есть просто мысли, но выступают как целостные переживания, опирающиеся на либидо, с одной стороны, а с другой - позволяющие снять границу субъективности и быть в мире и текучим, как вода, и устойчивым, как земля, активным, как огонь, и ясным, как воздух. Образы стихий - предмет медитации, т.е. уподобления миру в его первозданности и невожденности.

Такое уподобление есть метафизическое детство, т.е. прежде всего *открытость*, через снятие специфической особенности, отличающей субъекта. Эта особенность есть неизменно воспроизводимое своеволие, т.е. спонтанно возникающее бытие помимо мира. Это помимо-мира-бытие в горизонте натурфилософии переживается и на основе переживания осмысливается как нарушение гармонии стихий, каковое может быть преодолено через соответствующую практику медитации, опирающуюся на принцип всеобщей гармонии.

Сосредоточенность здесь становится возможной в силу нахождения специфической основы для себя, а именно - “стихий” как существующих телесным образом переживаний. Необходимо лишь оттренировать чувствительность к этим переживаниям. Величественное здание цыгун и ушу показывает развитое состояние натурфилософского мирозерцания и натурфилософской практики.

***

Стихии существуют “от века”. Их вечность, прежде всего, заключается в постоянном сохранении их характера, упорствующем его восстановлении, противостоящем любому действию. Они вечны также и потому, что просты. Можно много говорить о них, но лучше один раз дать сознанию течь подобно воде (и вместе с ней).

Но европейское мышление уже в эпоху античности вступило на другой путь и нашло себе другой способ укоренения. Мы имеем в виду созерцание чистых понятий, предельным выражением которого выступает **геометрия**. Непосредственное переживание стихий заменяет созерцание как новый способ овеществления мышления и новый способ существования сосредоточенности.

Предпосылкой геометрии, на первый взгляд, выступает **пространство**, переживаемое как лишенное какой-либо телесности. **Телесность**, прежде всего - осязаемость, сопротивление-отталкивание, в котором осязаемое удостоверяет свое существование. Осязаемость, далее, - самостоятельность присутствия, настоятельно выдвигающая тело на первый план, что требует обхождения, т.е. внимательного учета выступающего на первый план присутствия. Обхождение также требует самоограничения, недопущения произвола в действии.

Пространство телесно в силу наличия осязаемой структуры, которая и есть базовое событие. Человеческое существование определяется этим первым событием и может раскрываться только в заданном им горизонте. Реально только то, что осязаемо, все остальное потаенно и может быть призвано в круг человеческого существования как последовательность перемен, нерушимая от века.

Пространство Евклида есть другое со-бытие. Видимая бестелесность - это неосязаемость, отсутствие постоянно выступающего присутствия. Оно поэтому должно выступить как чистое ничто после подчиненной извечным переменам телесности. Утверждение наличного бытия субъекта против пустоты бестелесного пространства, против **ничто**, - этого требует жизнь, которая всегда самоутверждение.

Геометрия в первом своем появлении есть прораствание жизни в пустоту экзистенциально- нового пространства, заполнение его в-осязаемости-сущим, т.е. геометрическими телами и фигурами. Древняя геометрия была прежде всего построение. Построение - пропущенное через тело субъекта существование геометрических образов. Это - ремесло, технэ, техника, неразличимая от существования субъекта-ремесленника, живое обращение с телесностью, развертывающееся в неосязаемом пространстве.

Это пространство тем самым **овеществляется** через наполнение вещами. Но если телесность стихий выступает как данная от века в своей самостоятельности, то реальность геометрий возникает здесь и теперь в процедуре **построения**. Стихии даны. Вместе с рождением и смертью человека существуют земля и вода; огонь и воздух, как пространство и способ его осуществления, т.е. выхода из небытия, исполнения удела и ухода в небытие.

Природа геометрии осуществляется в построении через выведение в присутствие свойств тела или фигуры, которые скрывают свое многообразие в себе подобно тому, как это делает зерно. Но фигура раскрывается, она должна быть поставлена в процесс развертывания и, следовательно, она предстоит субъекту, т.е. существует в ожидании воздействия.

Геометрические образы в своем существовании, поскольку они призваны к заполнению ничто, оказываются в субъективной власти. Они - **предмет, то, что не содержит в себе ничего сокрытого**. Тайнственность геометрических задач - всего лишь незнание способа решения. Тайнственность же живого заключается в невозможности удержать в понимании и побудить посредством дискурса само вос-произрастание живого.

Создание геометрии означает, во-первых, раскрытие горизонта для причинно-следственных объяснений, которые сначала выступают как мыслительное проигрывание процедуры построения, и, во-вторых, дискурсивное воссоздание этой процедуры с целью удержать возможность ее простого воспроизводства. Бесконечное овеществление пространства - подоснова, делающая возможным переживание рационального дискурса как исполненного жизнью.

***

Философом, с которого можно начинать отсчет времени новой эпохи в мышлении, является Платон. Именно он действительно вводит *созерцание* как новый способ осуществления жизни. Созерцание - эстетическое переживание сосуществования с новым миром геометрических сущностей в его постоянно открывающейся бесконечности.

Жизнь созерцательная есть *теория*, жизнь в непосредственно переживаемой духовности. Теория есть изживание непосредственно-данной телесности (и стихийности), ее постоянно воспроизводимое заслонение новым существованием. Тело выступает как могила души (такова символическая этимология слова “тело” в Платоновской Кратике). И это - специфическая метафора, с помощью которой факт телесности удерживается в определенном горизонте вся стихийность “земли” сводится к косности, т.е. к сопротивлению подвижности и самоотличению земной телесности в ее подвижности от сознательного начала.

Предельным выражением такой метафоры телесного является физическое понимание тела как массы, т.е. сведение всего его ощущаемого многообразия к измеримой косности. Созерцание есть заслонение телесного, постоянное преодоление непосредственной жизнедеятельности, которая осмысляется как кажимость, в отличие от истинно сущего, которое выступает лишь постольку, поскольку производится это отличие.

Диалектика становится жизнью Сократа и Платона, поскольку она - борьба-снятие постоянно выступающего на передний план самостоятельного непосредственного как телесно-осязаемого. Восстановление этого выступления, несмотря на ухищрения разумности, есть жизнь. **Возникновение геометрии - начало великой эпохи “опустошения земли”** (М. Хайдеггер) в смысле ее обестелеснивания.

***

Но первые созерцания телесны через определенную новую материальность.

Построение замыкает пространственность существования фигур и тел в новое эстетическое целое, составляющее произведение столь же пластичное, как произведение искусства. Пластичность означает свободное перетекание одного в другое, структурирующее созерцание в вещественное действие. Пластичность также - здесь и теперь данное возникновение, развернутая перед созерцающим взором подвижность сущего.

Созерцание, имеющее основой построение, предполагает (как всякое ремесло) ощущение материала, т.е. тем или иным образом осуществляемое уподобление характеру материала. Замыкание нового образа в построенном другом образе происходит как перетекание одного состояния в другое, каковое может быть только озарением.

Озарение - замыкание субъекта в своей новизне, подчиняющее субъективность в силу своего оналичивания. Этот момент отличает первоначальные геометрические изыскания от простого конструирования, замыкающегося в перебирании простых возможностей получения нового целого.

Конструирование должно быть подчинено не внешней цели, а достигать максимально возможной красоты, каковая делает его свободным. Отсюда ограничение процесса перебора возможностей завершением его в заключенный, замкнутый акт.

Термины “созерцание” и “озарение” могут помочь осознать материальный аспект, делающий возможным чистое мышление как особое переживание. Платон осуществляет ключевые моменты своего мышления в мифе о пещере. Натуралистические переживания, утратившие свою связь с первоначальным миром “стихий” и выродившиеся в простые непосредственные реакции на явления внешнего мира, отождествляются с пребыванием на дне пещеры, в мире теней.

Словесным выражением такого состояния является софистика - словесная защита от напряжений, каковыми угрожают настоящие духовные перемены. Этому душевному состоянию противостоит созерцание солнца, выступающее результатом мучительно подвижничества. **Солнце - источник света**, позволяющего видеть вещи таковыми, какие они есть.

***

Свет - вот та стихия, что наполняет пространство Евклида и делает его тем, что оно есть, - реальной возможностью построения нового существования. В самом деле, евклидово пространство предполагает отсутствие искажений происходящих в нем построимых изменений. Пространство Евклида не однородно, поскольку оно структурируется абсолютным источником света, находящимся в некотором месте, отличающемся от места человеческого удела. Всякое движение в этом пространстве есть воспроизведение первозданного света и ощущение созерцания солнца.

Мы как бы возвратились назад, именно к “стихийности” как телесной основе, делающей мышление конкретным. Но субъект по-разному соотносится с тем и другим миром “стихий”. Натурфилософия требует вслушивания в перемены и переживания их как изменений собственного тела. Созерцание требует установки взгляда и его развития. “Натурфилософия” основана на кинестетическом опыте, опирающемся на некоторые целостные единицы, реализация которых в непосредственных телесных переживаниях представляет собой содержание духовности. Созерцание требует видения, а вчувствование и вслушивание возможно лишь по отношению к видимому.

“Натурфилософия” и “созерцание” - два способа укоренения через сосредоточенность. Они не просто разные способы взаимодействия “репрезентативных систем”, но являются осуществлением бытия. Созерцание не есть ограничение и отставление простоты, хотя и требует борьбы с телесным началом и постоянного “заставления” тела. Это - вторая природа. Она исключает первую своим собственным ростом-распусканием.

Восход солнца созерцания освещает новый мир, но и созидает его, размещая все вещи в прозрачность, доступную созерцанию. Таким образом, задается истинная автономия мышления. Недостаточно указания на то, что она задается только через стремление достичь логической достоверности, осуществляющейся в горизонте субъективной уверенности. Автономным мышление становится, укореняясь в метафизическом переживании симпатической связи со стихиями в их от века данных превращениях, либо в переживании света как источника достоверной очевидности.

***

Мы пытаемся вести речь о **укорененности** мышления, а не о его практической **применимости** как средства разрешения проблем - это другая тема и даже, может быть, более важная в нашей культурно- исторической ситуации. Но укорененность в переживании строит из мышления жизненное дело и призвание. С другой стороны, жизнь сама лишается внутреннего единства и, следовательно, превращается в неуправляемый поток, если мышление оказалось без чувственной опоры и, тем самым, без живительного источника. Это в конечном итоге означает несвободу, т.е. невозможность сохранять и воссоздавать тождественность самосознания.

Превращение и рост, способность измениться в изменившемся мире отличают сознательное от бессознательного. **Бессознательное разрушает сосредоточенность**, действуя против воли как “комплекс”, “сценарий”, “программа” и т.д.

Легендарная история, воссоздаваемая в истолковании, возвращает удвоенное самосознание в точку разрыва и, восстановив переживание, его породившее, позволяет восстановить утраченное единство. Такая история есть возвращение в детство.

Так и возрождение культуры по сути своей является возвращением к детской непосредственности и свежести восприятия. Такое возвращение не есть простое напряжение памяти - занятие достойное, но могущее привести лишь к засорению мышления разнородным хламом, но должно быть поиском света или ощущения гармонически свершающихся перемен.

1992 г.

Написано после [Организационно-Деятельностной Игры](#) “Проблемы русской культуры”

Место и время проведения – Красноярск, 1991, июнь, 10 дней, под руководством [А.Н. Горбана](#)

Участники – филологи, философы, деятели культуры, педагоги, бизнесмены в области культуры, психологи, историки, социологи, представители общественных религиозных движений, русские мистики.

Проблемы

- 1 Накопление и оформление опыта в русской культуре
- 2 Эффективность системы культуры

Интеллектуальные результаты

Обнаружены некоторые механизмы уничтожения символов русской культуры препятствующих освоению эффективных способов деятельности. Оформлены и соотнесены между собой точки зрения различных групп интеллектуалов на проблему возрождения Русской культуры

ОДИ "Проблемы русской культуры" была заказана культурно-экономическим центром "Россия-Канада" и "Русским национальным банком". Заказчики заинтересованы в диалоге с русской диаспорой в Канаде. Русские канадцы заинтересованы в том, чтобы понять, есть ли в Советском Союзе "русскость". Иными словами, понять, что в Советских и канадских русских общего кроме прошлого. Что есть русская культура, если не "кровь" и не государственность? Участие в ОДИ принимали педагоги, ученые, носители православия, представители эзотерических способов жизни и работы, коммерсанты в сфере науки и искусства.